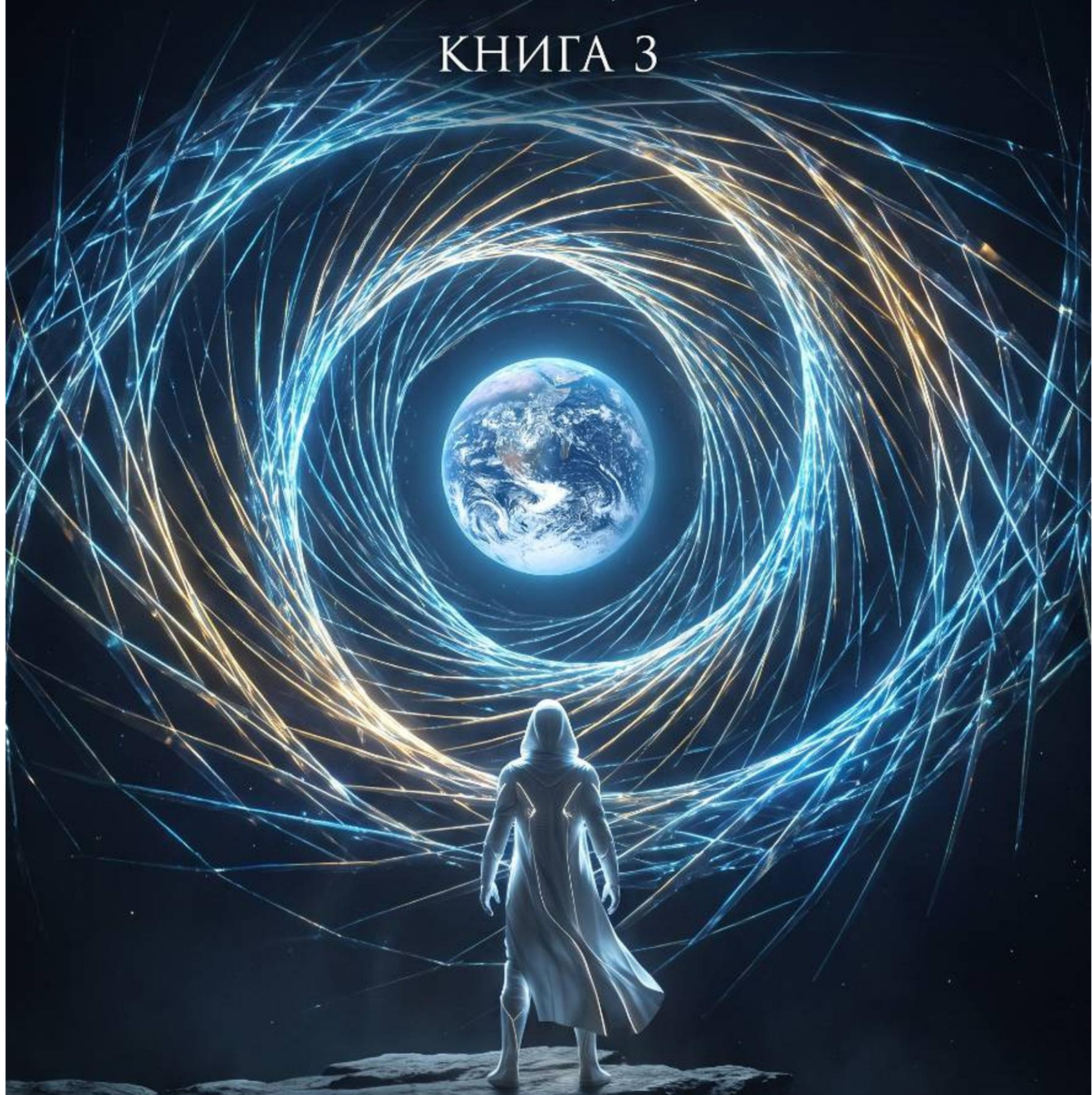

КОЛЫБЕЛЬ: ПРОБУЖДЕНИЕ

КНИГА 3

ДАНИЛ ГОЛЬДБЕРГ

Данил Гольдберг

Колыбель: Пробуждение. Книга 3

«Автор»

2026

Гольдберг Д.

Колыбель: Пробуждение. Книга 3 / Д. Гольдберг — «Автор»,
2026

Кто мы на этой Земле? Случайный каприз эволюции или результат грандиозного эксперимента? Почему древние мифы с пугающей точностью твердят о сияющих гостях, сходящих с небес, а наша память о прошлом словно стёрта тысячами льда? Что, если человеческая история началась задолго до первых пещерных костров? Что, если те, кто правил планетой до нас, однажды уже совершили роковую ошибку — и теперь за нами бессленно наблюдают из вышины? В глубинах пространства и времени скрыта истинная геометрия реальности. Там, где лабиринт судеб сводит прошлое, настоящее и будущее в единый узел, решается судьба нашего вида. Чтобы провести человечество сквозь века и не дать ему сгореть в огне собственной глупости, требуется тот, кто станет мостом между дикой земной плотью и холодным разумом Вселенной. Масштабный научно-фантастический эпос об истинных истоках цивилизации, тайной архитектуре мира и о том, какова реальная цена контроля над историей.

© Гольдберг Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Раздел I. Чужак у костра	6
Раздел II. За край Плоских Камней	12
Раздел III. Полет выше неба	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Колыбель: Пробуждение. Книга 3

Глава

Книга 3. «Колыбель: Пробуждение»

Раздел I. Чужак у костра

Глава 1. Дым и овечьи шкуры

Пещера никогда не была тихой, но в часы перед рассветом ее звуки становились единым, тяжелым гулом. Это было дыхание нашего стада.

Десятки тел сбивались в плотный, шуршащий ком у дальнего слепого выступа скалы, где скапливалось хоть немного тепла. Мужчины, женщины, совсем еще слепые детеныши — все переплетались руками и ногами, зарываясь носами в чужую, отсыревшую от пота шерсть. В этом живом коме не было отдельных имен или тел. Было только общее нутро, которое мерно вздымалось, хрипело, чавкало во сне и выдыхало в сырой воздух запах пережеванных корней, застоявшегося жира и сырой крови.

Я лежал с самого края, у холодной и шершавой каменной стены.

Воздух в пещере был тяжелым. Дым от затухающего костра не уходил наружу, а висел под низким потолком плотной, едкой пеленой. Каждая затяжка этим воздухом оседала на языке горчащей сажей, забивала ноздри и царапала легкие. Но снаружи было еще хуже. Ночной ветер, прорываясь сквозь широкий вход, приносил ледяную сырость с речных низин. Он выдувал остатки тепла из углей, гудел в щелях скалы и колючими пальцами трогал мою кожу.

Моя кожа... У сородичей она напоминала толстую шкуру старого секача — темная, огрубевшая от постоянных ветров и покрытая густым, жестким волосом, который удерживал тепло лучше любой сухой травы. Капли воды просто скатывались по их спинам. Мое же тело было гладким и тонким. На нем не росла та защитная шерсть, что спасала остальных от лютой стужи. Кости казались слишком легкими, а тонкая кожа мгновенно покрывалась мелкими, болезненными пупырышками от малейшего сквозняка.

Чтобы не замерзнуть окончательно, мне приходилось вжиматься в чужие бока. Я чувствовал, как рядом со мной тяжело дышит старый мужчина — его жесткая шерсть колола мои плечи, а от тела шел густой жар. Но стоит мне задеть его чуть сильнее, и он, не открывая глаз, выдавал низкий, угрожающий рык, отпихивая меня массивным локтем обратно к холодной стене.

Я был для них неудобным. Моя гладкая кожа казалась им болезнью, а попытки занять место ближе к центру кома вызывали лишь глухое раздражение.

Они умели спать глубоко и безбудно. Их тяжелые челюсти продолжали пережевывать во сне жесткие волокна съеденных вечером стеблей, а разумы не знали беспокойства. Если животу было тепло, а во рту оставался вкус пищи, они были счастливы. Я же не мог уснуть.

Тьма вокруг нас была наполнена жуткой жизнью. Из глубоких щелей пещеры доносился писк мелких слепых тварей. Снаружи, за гранитной губой входа, хрустели сухие ветки под лапами ночных хищников. Но тяжелее всего была тишина в моей собственной голове. Там, где у остальных стоял покой и умиротворение от сытого брюха, у меня шевелились странные, пугающие мысли.

Я смотрел через полосу остывающего пепла на темный проем входа. Там, в глубоком черном бархате неба, горели немигающие белые искры. Сородичи никогда не поднимали к ним глаз. Зачем смотреть на то, что нельзя сжечь, съесть или сберечь от дождя?

А я смотрел. Я прижимал подбородок к коленям, кутался в чужую, облезлую шкуру саблезуба и думал о том, о чем в нашем племени не умел подумать никто. *Почему эти искры никогда не гаснут? Почему ветер не уносит их прочь, а ночь не съедает их свет?*

Ответы не приходили. Был только пронизывающий холод, запах дыма и одиночество посреди спящего, тяжелого стада.

Глава 2. Язык выдохов

Утреннее пробуждение пещеры всегда начиналось с кашля и хрипа. Когда рассветная синева едва разбавляла мрак у входа, сородичи начинали шевелиться. Они отхаркивали осевший за ночь в легких сухой дым, сладко и тяжело потягивались, с хрустом расправляя суставы, и издавали первые звуки. Это не были слова. В нашем мире вообще не существовало слов — таких, которыми можно описать форму облака, вспомнить прошлую зиму или заглянуть в завтрашний день.

Наш язык вырождался в короткие, рваные выдохи, рык и гласные звуки. Он рождался не в голове, а где-то глубоко в гортани или в самом нутре, под ребрами, и служил лишь одной цели — выжить.

У каждого звука была своя четкая, тяжелая глубина.

Если кто-то из мужчин выдыхал короткое, утробное «Грр-р», это означало близость опасности. Все сразу замирали, прижимаясь к земле и дико вращая белками глаз. Протяжное, сдавленное «Ы-ы-ы» было словом голода и боли — так стонали женщины, когда не созревали коренья, или раненые охотники, угасавшие у дальней стены. Выкрик «Ок!» означал огонь и тепло. Это был радостный, почти детский звук, который вырывался из горла старейшины, когда первая искра цеплялась за сухой мох.

У нас не было названий для деревьев, для речной глади, для ветра или звезд. Все, что нельзя было съесть, сломать, утащить в пещеру или испугаться, просто не имело звука. Оно существовало снаружи, но его не было в нашем языке.

Мое имя — **Аан** — сородичи тоже выговаривали без радости.

В их ртах оно звучало не как имя, а как короткий, пренебрежительный выдох сквозь сжатые зубы: «А-ан...» Так выдыхают тяжелый груз с плеч или досадную помеху под ногами. Когда вожак бросал мне жилистый, измазанный в грязи кусок сушеного мяса, он не звал меня. Он просто ронял этот рваный звук, смотря мимо меня своими тяжелыми, нависшими из-под надбровных дуг глазами.

Я слышал, как они общаются между собой, и с каждым днем ощущал, как мне тесно внутри их речи.

Утром, когда старейшина пытался показать молодому охотнику, как сколоть край кремня, чтобы тот стал острым, он не мог объяснить. У него не было слов для «угла», для «силы удара», для «крепости камня». Он просто рычал, со злостью вдавливал камень в камень, кроша его в бесполезную пыль, и бил парня по затылку, если тот не мог повторить его бездумное движение.

Я стоял неподалеку, сжимая в пальцах небольшой речной голыш, и в моей голове вспыхивала цепочка, которой не было ни у кого вокруг. Я *видел*, куда нужно ударить. Я понимал, что камень расщепляется вдоль скрытых, едва заметных трещин. Мои губы шевелились, пытались вытолкнуть хоть какой-то звук, чтобы объяснить им это, но из горла вылетал лишь такой же беспомощный, хриплый выдох.

Я был нем среди тех, кто сам был почти нем.

Единственными чисто звучащими звуками в нашем мире были имена Тех, Кто Приходит.

Когда наставала Ночь Полной Луны и на Плоских Камнях появлялись Духи, язык моего племени менялся. Старейшины падали в грязь, и из их груди вырывалось длинное, раскатистое, певучее: «А-а-о-о...» Это было имя **Ао**. В нем не было рыка или сажи, оно звучало чисто и высоко, словно звук натянутой жилы. За ним следовали короткие, придыхательные выдохи для остальных: **Ох, Оу, Оа**.

Они произносили эти гласные с диким, животным трепетом. Для племени это были не просто звуки — это была единственная нить, связывавшая их с невидимым и непонятным миром Духов. Они молились этими гласными, зарываясь носами в сухие листья и пыль.

Я же сидел в тени у входа, слушал, как эхо их имен гуляет под сводами пещеры, и чувствовал, как мое собственное имя — *Аан* — тихим эхом откликается на имя *Ао*. Я еще не знал почему, но точно ощущал: их чистая, гладкая речь предназначалась для чего-то большего, чем просто просить мясо и согревать кости у огня.

Глава 3. Смотрящий на искры

Днем разница между мной и сородичами была незаметна тем, кто смотрит мельком. Мы все бегали по скользким горным тропам, все измазывались в коричневой грязи у речного обрыва и прятались от злого осеннего дождя под кронами тисов. Но стоит нам замереть, как эта разница проступала отчетливо, словно белая кость из рваной раны.

В нашем племени ценилась тяжесть. У вожака и старейшин плечи были широкими, как валуны, спины — сутулыми и могучими, а кости — толстыми. Их головы сидели низко на коротких, жилистых шеях, а над глазами нависал тяжелый костяной навес в палец толщиной. Этот массивный надбровный козырек закрывал их глаза от палящего солнца и осколков камня, давая им вид суровый и вечно сердитый.

Я же был выточен иначе.

Когда я касался своего лба, мои пальцы ощущали ровную, гладкую кость, уходящую вверх, а не тяжелый костяной нарост. Мое лицо было открытым для ветра и света. Мои кости казались тонкими и хрупкими — если вожак хватал меня за запястье, его пальцы легко смыкались вокруг моей руки. Но самым главным моим наказанием была кожа.

У сородичей кожа напоминала дубленую шкуру: плотная, с защитным слоем темного волоса, неподвластная укусам мошек и царапинам колючего кустарника. Моя кожа была тонкой и гладкой. Каждая ветка оставляла на ней белесый след, каждый холодный порыв ветра заставлял кровь отступать от поверхности, окрашивая мои щеки и пальцы в мертвенную бледность.

Из-за этого они считали меня слабым. Уродом, которому не выжить первой же суровой зимой.

Но пока они смотрели вниз — под ноги, искать следы зверей или съедобные корни в сырой земле, — я смотрел вверх.

Каждую ночь, когда племя погружалось в тяжелый, сопящий сон, я уползал от дымного костра ближе к проему пещеры. Я кутался в облезлую шкуру саблезуба и поднимал голову к черному куполу неба.

Там горели Они. Белые, чистые, немигающие искры.

Сородичи, если и поднимали взгляд на ночной покров, быстро отворачивались. Для них черное небо было чужой, враждебной пустотой, откуда прилетал ледяной ветер и холодный дождь. Все, что нельзя было схватить руками, вызывало у них глухой животный страх.

Я же не мог оторвать глаз. В моей голове, не загруженной поисками еды, бился один и тот же невидимый костер. *Что это за искры?*

Я знал, как горит обычный огонь. Когда старейшина высекал «Ок» из кремня, огонь требовал сухих веток, сучьев и жира. Огонь пожирал дерево, оставляя после себя серый, легкий пепел и едкий дым, от которого слезились глаза. Огонь умирал, если на него падала вода.

Но искры на черном небе были другими. Они горели каждую ночь. Они не требовали веток, не оставляли пепла и не гасли под проливным дождем. Они были прикованы к черной глубине с неизвестной, звенящей точностью.

Кто держит их там? — думал я, согревая дыханием онемевшие пальцы. — Почему они не упадут на землю, как падают камни, если выпустить их из рук? Почему не сгорают дотла?

У меня не было слов, чтобы назвать эти искры «звездами», а черный купол — «космосом». У меня были только мои ощущения, тонкая кожа, мерзнувшая на ветру, и это дикое, жгучее желание понять. Я чувствовал себя брошенным камнем: я родился среди тех, кто жил только желудком и когтями, но внутри меня горел тот же чистый, невидимый свет, что сиял на черном небе.

Я смотрел на белые точки над головой и ждал. Я еще не знал, что очень скоро одна из этих искр спустится за мной вниз.

Глава 4. Ночь Полной Луны

Раз в круг луны, когда белое светило на небе наливалось полной, звенящей силой и выедало среди ночи глубокие черные тени, Призраки Дыма приплывали с гор.

В ту ночь стадо чувало их приближение задолго до того, как у входа появлялись первые фигуры. Вожак переставал грызть кость и замирал, поворачивая массивную голову к выходу. Женщины прижимали к себе детенышей, зажимая им рты ладонями, а старейшины сползали с сухих листьев прямо на влажную, утоптанную грязь пещерного пола. В воздухе разливался особый, суеверный трепет — смесь дикого животного ужаса и слепой надежды.

Они появлялись беззвучно. Их было четверо.

Самым высоким, чистым и величественным был Ао. За ним ступали Ох, Оу и Оа. В отличие от нас, они не кутались в зловонные шкуры забитых зверей. Их тела казались длинными, тонкими и словно сотканными из застывшего тумана. Когда Ао ступал по гладким, отполированным ветрами камням у входа, старейшины валились ниц, уткнувшись лицами в сухую грязь и золу, и из их грудей вырывалось протяжное, дрожащее: «А-а-о-о...»

Духи приносили с собой свет. Это был удивительный свет — он горел на их гладких ладонях маленькими, ровными шарами, не давал дыма, не чадил и не жег пальцы, если подойти ближе.

Они пришли, чтобы учить. В тот вечер Ох и Оа опустили перед костром, показывая нашим мужчинам, как правильно держать кремennую гальку. Они показывали, под каким углом нужно нанести удар другим, тяжелым камнем, чтобы от скола отделилось тонкое, острое, как зуб саблезубого тигра, лезвие. Они показывали, как обвязывать сырой жилой расщепленную деревянную палку, создавая первое копьё.

Все дикари молились. Они бились лбами о камни, хватали своими мозолистыми руками лезвия, глупо рычали от восторга и слепо копировали каждое движение Духов, не понимая, почему нужно бить именно так. Они искали лишь сытости и защиты.

А я не молился. Я стоял в тени у холодной стены, кутаясь в сальную шкуру, и смотрел.

Я смотрел не на камень. Я смотрел на пальцы Ао. Я видел, как его тонкая, вытянутая кисть направляет руку старейшины, я улавливал скрытую, строгую логику в каждом его жесте. Я пытался понять, зачем они приходят к нам — к грязным, шерстистым тварям, спящим в собственной саже.

И в тот миг Ао впервые повернул голову и посмотреть прямо на меня.

Его взгляд не был взглядом охотника или вожака. В нем не было злобы, голода или превосходства. В его глубоких, странных глазах горел тот же холодный и чистый свет, что сиял на черном ночном небе. Он увидел, что из всего лежащего в грязи стада лишь один не зарылся лицом в пепел. Лишь один смотрел ему в глаза, пытаясь уловить мысль, а не просто скопировать удар.

Ао сделал шаг ко мне.

Старейшины сдавленно ахнули, вжавшись в землю еще сильнее. Вокруг нас все замерло. От Ао не несло дымом, перепрелой шерстью, гнилыми листьями или старой кровью. От него пахло звенящей прохладой — чистым, ледяным воздухом с самых высоких горных пиков, куда никогда не ступала нога человека и где лежит нетающий снег.

Он остановился прямо передо мной. Наш контраст был чудовищным: израненный, дрожащий, худой дикарь в облезлой шкуре и сияющее, высокое существо.

Ао медленно протянул свою длинную, безупречно гладкую руку и коснулся подушечкой пальца моего лба — прямо там, где у моих сородичей нависал тяжелый костяной козырек, а у меня была лишь тонкая кожа.

В тот же миг глубоко под моей кожей что-то отозвалось.

Это не было болью. По моим жилам — от самого лба, сквозь шею, плечи и до кончиков пальцев на ногах — вдруг с безумной скоростью побежал суетливый, жгучий рой невидимых муравьев. Моя кровь словно закипела, превращаясь в лед и огонь одновременно. Сердце в груди споткнулось, пропустило удар и заколотилось в совершенно новом, чуждом, звенящем ритме.

Мое племя все так же лежало в грязи, не смея поднять глаз. А я стоял перед Ао, не в силах выдохнуть, и ощущал, как с этим единственным прикосновением внутри меня с треском ломается вся моя прежняя, пещерная жизнь.

Я еще не знал, куда он меня уведет. И не знал, что с этой секунды я больше никогда не смогу стать прежним.

Глава 5. Прикосновение и «муравьи»

Палец Ао оторвался от моего лба, но зажженный им огонь не угас.

Холодное прикосновение длилось лишь миг, однако за эту долю секунды сквозь тонкую кожу под череп успело пролиться что-то невидимое и немислимое. Это был не укол и не удар. Это ощущалось так, словно в мою застоявшуюся, густую пещерную кровь хлынул поток живых, микроскопических искорок.

Они разбегались во все стороны с безумной скоростью. Этот суетливый, покалывающий рой «муравьев» пробирался по жилам, щекотал нервы, обжигал ледяным холодом кончики пальцев и заставлял каждую мышцу в моем теле вибрировать в незнакомом, звенящем гуле.

Я стоял, затаив дыхание, не в силах сдвинуться с места или отвести взгляд.

Ао отступил на шаг. На его длинном, безупречно гладком лице не отразилось ничего — ни усталости, ни сочувствия. Но его глубокие глаза, казалось, теперь видели меня насквозь: все мои кости, тонкие нити жил, каждый всплеск испуганного сердца и ту суету, что прямо сейчас творилась в моей голове.

А в голове происходило нечто страшное и прекрасное.

Густой, тяжелый туман, который окружал мои мысли с самого рождения, вдруг начал стремительно таять. Это было похоже на то, как утреннее солнце сжигает серый озерный морок. Раньше мои мысли переваливались в уме тяжелыми, несвязными комьями — я чувствовал голод, холод или тоску, но не мог их связать. Теперь же все вокруг обретало режущую, звенящую четкость.

Мое зрение изменилось. Я вдруг увидел, что стены нашей пещеры — не просто темные камни: я различал тысячи мельчайших слоев, сухие трещины, по которым сбегали капли росы, и крупницы слюды, вспыхивавшие от ровного света Духов. Я слышал звук дыхания каждого дикаря у моих ног — хрип старейшины, частые вздохи испуганной женщины и далекий, едва слышный стук падающих снаружи капель.

«Муравьи» под кожей не причиняли боли. Они словно чистили меня изнутри — выскребали сажу из легких, расправляли сжатые от постоянного страха суставы и заставляли кровь течь быстрее, наполняя тело странным, неведомым раньше теплом.

Мое племя все так же лежало у наших ног, вжавшись растрепанными головами в сухую грязь и золу. Для них ничего не изменилось. Они видели лишь то, что Призрак Дыма коснулся дикого, гладкокожего уroda. Они ждали, что я упаду мертвым или забившись в судорогах.

Но я стоял прямо. Впервые в жизни моя спина распрямлялась сама собой, а в груди больше не было липкого, животного страха перед темнотой. Я смотрел на Ао и понимал: невидимые создатели, запущенные в мое тело его перстом, уже никогда не остановятся. Они начали перекраивать меня — клетка за клеткой, мысль за мыслью.

Раздел II. За край Плоских Камней

Глава 6. Зов ладони

Когда Ао опустил руку и отступил на шаг, между нами образовалась узкая полоса воздуха, звенящего от чистого горного холода.

Прояснившийся разум позволял мне видеть Ао с пугающей четкостью. Я больше не жмурился и не дрожал. На его выточенном лице не было эмоций — только абсолютный, глубокий покой. Ао замер на фоне темного проема пещеры, а затем медленно поднял кисть на уровень груди.

Его длинная, безупречно гладкая ладонь развернулась вверх, к нависшим сводам, а пальцы сделали короткое, плавное движение к себе.

Этот жест был мне знаком. Так в нашем племени старейшина звал охотника к костру, когда делят жирную тушу зверя или берут в руки кремневые топоры. Это был простой знак звать и подчинять. Но Ао звал меня не к огню и не к мясу. Его раскрытая ладонь указывала назад — в глухую, пронизанную ветром ночную тьму, за пределы пещеры.

Он звал туда, откуда Призраки Дыма приходили раз в круг луны и куда не смел ступить ни один дикарь.

Мои ноги ослабли, превратившись в размокшую глину. В горле пересохло от сухого страха. До этой секунды я оставался частью стада: спал в общем тесно сжатом коме, грелся чужим дыханием, ел из общей кучи. Принять прикосновение Духа было чудом, за которым наблюдало все племя. Но сделать шаг к его ладони — означало сорвать единственный вечный запрет, сжечь все правила, на которых держалась жизнь нашего вида, и шагнуть в бездну.

Ао не торопил. Он не произнес ни слова, не зарычал и не сделал движения ко мне. Его ладонь просто замерла в полумраке, требуя не слепого повиновения, а выбора.

Глава 7. Шепот племени

Мое стадо лежало у стен пещеры, вжавшись растрепанными головами в сухую грязь и золу.

Они не поднимали лиц, но каждая шкура на их спинах чувствовала, что происходит. И когда я, преодолевая дрожь в суставах, сделал движение коленями вперед, по пещере прокатился низкий, сдавленный гул. Это не был рык вождя и не предупреждение старейшины. Это был чистый, первобытный, животный ужас.

Из их согнутых, сжатых от страха грудей вырывался тяжелый, трепещущий шепот: «Ууу-ух... Ааа-ан...»

В этих звуках сплелось всё: дикая боязнь Духа, отвращение к моему гладкокожему уродству и немой шок перед нарушением порядка. Никто из племени не смел подходить к Призракам Дыма по своей воле. Те же редкие сородичи, кого Духи забирали сами, больше никогда не возвращались к костру.

Я шел к запрету. На глазах у всех я рвал нить, которая связывала меня с пещерой.

Я слышал, как тяжело и прерывисто дышит вождь, как сжимаются его могучие кулаки, зарывающиеся в сухие листья. Каждым суставом своего массивного тела он хотел встать, зарычать, сбить меня с ног и прижать к влажной земле, чтобы уберечь стадо от невидимого гнева. Но он не мог сдвинуться с места — он был скован чистым, звенящим холодом, исходящим от стоящего у входа Ао.

Я сделал первый полноценный шаг. И еще один.

Мои босые ступни касались остывших, скользких камней пола. Каждый шаг давался с таким трудом, словно я продирался сквозь густую болотную тину. Я прошел мимо съжившихся сородичей, мимо старого мужчины, с которым грелся плечом к плечу длинными ночами, мимо молчаливых женщин, намертво зажимавших рты своим детенышам.

Никто не поднял руки. Никто не зарычал мне в спину. Племя просто вжалось в грязь еще сильнее, прощаясь со мной так, словно я уже был мертв.

Глава 8. Граница Тени

Мы вышли из пещеры в холодную ночную темень.

Осенний ветер, только что казавшийся мне злым и режущим, теперь мягко обтекал тело. Я шел на шаг позади Ао, и от его высокой фигуры исходило едва уловимое, сухое тепло, которое словно раздвигало ночную стужу вокруг нас.

Мы миновали входной костер — остывающую кучу красных углей, над которой вился тонкий ручеек едкого дыма. За ним начинались **Плоские Камни**.

Это была широкая, отшлифованная дождями и ветрами каменная гряда, выходившая к самому краю поляны. В моем племени Плоские Камни были святым краем. Это было самое дальнее место, до которого вожак или старейшины могли провожать Призраков Дыма раз в луну. За Плоскими Камнями заканчивался мир человека. Дальше была только Тень — непроглядный ночной лес, где жили саблезубые звери, вечный голод и смерть.

Раньше Духи, доходя до края гряды, просто растворялись в ночном тумане. Но Ао не растворился.

Он ступил за край Плоских Камней, прямо в высокую, мокрую от росы траву, и продолжал идти вперед. Я замер на самом краю последнего камня.

Мое сердце заколотилось в ребра с новой силой. Мозг, все еще помнивший законы пещеры, кричал: *Остановись! Дальше — гибель!* Сделать шаг за Плоские Камни означало окончательно перестать быть частью племени. Там не было костра, не было стада, не было стен. Там был только дикий, жуткий мир.

Ао остановился в траве и снова повернулся ко мне.

Он не делал знаков. Он просто стоял в полумраке ночи — высокий, светлый, неподвижный — и ждал. Он открыл для меня этот путь и теперь давал мне право самому переступить черту.

Я зажмурился, сделал глубокий вдох, ощущая, как «муравьи» в крови вспыхивают с новой силой, и опустил ногу со скользкого края Плоского Камня на влажную, холодную землю.

Назад дороги больше не было.

Глава 9. Лес, который замер

Мы углубились в большой древний лес.

Здесь деревья стояли так густо, что их огромные, переплетенные кроны полностью закрывали черное небо с его белыми искрами. Внизу царствовала непроглядная тьма. Земля под ногами стала мягкой, пружинящей от многолетней хвои, прелых листьев и сырого мха.

Всю свою жизнь я знал: ночной лес — это место охоты. В этой тьме прятались пещерные гиены, саблезубые кошки и огромные лесные медведи. Любой дикарь, оказавшийся здесь ночью без горящего факела, был обречен стать добычей за считанные минуты.

Я сжимался от каждого шороха, ожидая, что из густого кустарника на нас выпрыгнет тень с горящими глазами. Но нападения не было.

Чем дальше мы шли, тем страннее становилась тишина. Запахи мха, застоявшейся воды и зверья были густыми и свежими, но сам лес словно вымер. Я не слышал ни хруста веток под тяжелыми лапами, ни ночного птичьего крика, ни шороха мелких грызунов.

Лес замер. Он словно затаил дыхание, расступаясь перед идущим Ао.

Несколько раз сквозь чащу я улавливал далекий запах сырого хищного зверя — тяжелый, бьющий в нос запах старой крови и шерсти. Я видел, как в темноте между стволами вспыхивали и тут же гасли желтые, испуганные точки звериных глаз. Но ни один хищник не посмел даже рыкнуть. Звери чувствовали присутствие Ао задолго до его приближения и в ужасе забивались в самые глубокие норы и буреломы.

Я шел за ним, и постепенно дикий страх в моей груди сменялся глубоким, звенящим покоем. Я был один среди ночи, без оружия и без племени, но рядом со мной шел Тот, перед кем трепетала сама дикая природа.

Спустя долгое время деревья начали расступаться, и мы вышли на туманную поляну.

Раздел III. Полет выше неба

Глава 10. Гладкая поляна

Мы сделали первые шаги по этой странной земле.

В моем пещерном мире не существовало ничего чисто круглого, кроме полной луны да мелкой гальки, обточенной речной водой. Все вокруг было диким, изломанным и рваным: скалы торчали острыми зубьями, деревья гнили в буреломах, а речные берега осыпались скользкими глинистыми кручами.

Эта же поляна казалась вырезанной из самой плоти земли чьей-то гигантской и невероятно ровной рукой. На ней не росла трава — ни единого стебля, ни единого кустика или сухой ветки. Вся ее поверхность представляет собой единый монолит из темного, отполированного камня.

Мои босые ступни, привыкшие к влажной, ледяной грязи и колючим хвойным иглам, ощутили неожиданное тепло. Камень под ногами не просто сохранил дневной свет — он отдавал живое, ровное, сухое тепло, словно глубоко под этим темным панцирем бился гигантский, укрытый от глаз очаг.

Благодаря рою невидимых созидателей, быющему под моей кожей, я ощущал эту поверхность с пугающей четкостью. Я опустил на колени и провел ладонью по монолиту. На нем не было следов от сколов кремня, не было трещин, выбитых лютым морозом, или выбоин. Камень был гладким, как поверхность стоячей воды в тихой лесной заводии, но при этом твердым и абсолютно сухим.

Ао прошел к самому центру поляны, развернулся ко мне и замер. Его высокая фигура на фоне этого черного, теплого круга казалась сотканной из застывшего тумана и лунного света.

Я остался стоять неподалеку, кутаясь в сальную шкуру саблезуба. За моей спиной возвышалась глухая, темная стена древнего леса, откуда все еще доносился слабый запах звериного пота и прелых листьев. Впереди же простирался безупречный камень, над которым не было ничего, кроме бездонного черного неба с сияющими немигающими искрами.

Здесь не было ветра. Воздух над поляной стоял чистый и прозрачный, словно на самой высокой горной вершине, куда никогда не залетают птицы. Я смотрел на Ао и чувствовал, как время вокруг нас замедляет свой бег, уступая место звенящему ожиданию того, что должно сойти с небес.

Глава 11. Черный «Ум» с небес

Оно появилось без малейшего звука.

Я ждал, что небесный купол расколется от громового треска или что глухую тьму прорежет тяжелый, хлопающий шум гигантских крыльев. Но небо не издало ни звука. Черная бездна просто расступилась, пропуская вниз нечто огромное.

Из самой глубины ночного покрова, заслоня сияющие белые искры, плавно опустилась тень. Она падала без спешки, подобно сухому листу, который тихо слетает на зеркальную гладь лесного озера. Но этот «лист» был исполинским — его тень накрыла всю поляну, погрузив нас в абсолютный, понижающий мрак.

Когда оно приблизилось к теплому камню, я смог разглядеть его очертания.

В моем племени знали лишь одного похожего зверя — маленького, гладкого жука «Ум», который ютился в сухой земле. У него была такая же овальная, изогнутая спина без волоска или чешуи. Но существо, зависшее над нами, превосходило размерами десятков забитых мамонтов.

Его бока казались выточенными из мокрого темного льда. На этой поверхности не отражался свет полной луны — напротив, казалось, будто чудовище само впитывает в себя окружающую ночную тьму.

Вдруг из-под брюха гигантского «жука» брызнул свет.

Это был не пляшущий огонь костра, который дымит и сжигает глаза едкой сажей. Из существа вырвался плотный, звеняще-белый столб чистого сияния. Он мгновенно выхватил из темноты каждую песчинку на гладком камне, ослепив меня. И в тот же миг монолит под моими коленями содрогнулся от низкого, нутряного гула: «Бхмммм...»

Звук шёл прямо из глубины земли и вибрировал в моих ребрах.

Дикий, первобытный ужас, который до сих пор спал на дне моей души, сорвался с цепи. Я рухнул лицом на теплый камень, обхватил голову руками и сжался в ничтожный, дрожащий комок. Мой затуманенный пещерный разум бился в одной-единственной мысли: *С небес спустился заоблачный зверь. Он прилетел, чтобы сожрать меня, перетереть мои кости и выплюнуть в темноту.*

Я сжал зубы, ожидая, когда гигантские челюсти перекусят мою спину.

Но вместо смертельного удара на мое плечо опустилась прохладная ладонь Ао. Его пальцы слегка сжались, и сквозь ткань сальной шкуры саблезуба в мое тело снова пролилась волна ледяного спокойствия. Рой невидимых создателей в крови отозвался мгновенно — жжение усилилось, гася суеверную панику и возвращая мыслям резкую, звенящую четкость.

Я медленно поднял голову.

Ао стоял рядом — высокий, прямой и абсолютно невредимый перед лицом пылающего зверя. А в блестящем боку гигантского «жука» прямо на наших глазах бесшумно отделилась часть брони. Она плавно опустилась к камню, превратившись в ровный, длинный язык, уходящий от самого нутра летающей скалы прямо к нашим ногам.

Глава 12. Язык света

Из разверзшегося чрева летающей скалы хлынул поток светлого, чистейшего сияния.

В нем не было ни пляшущих языков огня, ни душной гари, ни горящего дыма, от которого в пещере разъедало глаза. Сияние лилось отовсюду — от гладких стен прохода, от высокого потолка, от самого пола. Оно было мягким, но настолько прозрачным и ровным, что после мрака первобытной ночи казалось мне ожившим чудом.

Ао ступил на опустившийся трап первым. Его длинные ноги бесшумно касались гладкой поверхности. Он не оглядывался, не звал меня рыком или жестом, но рой невидимых создателей, гудящий в моих жилах, непреодолимо тянул меня вслед за ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.